

Он был одним во многих

Александр Адамович родился в семье Анны Митрофановны (девичья фамилия Тычина), недавно окончившей школу II ступени, и Михаила Иосифовича Адамчика-Адамовича, студента медицинского факультета БГУ, летом во время каникул работавшего в деревне Конюхи Любанского р-на. Саша родился в деревне Конюхи в ту пору года, когда земля, согретая летним солнцем, как мать, дарила свой урожай. Яблони сгибались от налившихся плодов (из всех сортов яблок Алесь Адамович более всего любил “горную красавицу”, два дерева которой и до настоящего времени плодоносят в Глуше), зрелые колосья обещали хлеб, а картофель, основа основ в хозяйстве, уже был на столе у крестьян.

И была зима, когда он умер. То время, когда селянин осмысляет прожитый год и готовится к будущим трудам на земле. Кладбище, на котором он похоронен, расположено посреди колхозного поля, и в горячую рабочую пору слышны гул машин, голоса людей, лай собак в соседней деревне. Была зима, когда он умер, и снег за окном, в день похорон такой же, как и тогда, когда он учился ходить.

Последняя остановка перед дорогой в вечность была там же, где не так давно лежал его брат, в той же самой комнате, где лежала и его мать, головой к окну, за которым видны были сугробы снега. У окна были ставни, и одна из них почему-то закричалась. Освещенная половина окна наполняла комнату зимним холодным светом, закрывшаяся половина создавала в углу комнаты полумрак.

Что мы знаем о писателе и чего мы не знаем? Каким разным он остается в воспоминаниях людей! Одним во многих... Эта наша человеческая многозначность, рождаемая попыткой художественного, философского осмысления творческой личности. Она же, творческая личность, и рождает такие многомерные образы. А их оказывается не под силу поднять одному народу, определить пределами одного поколения. Нужны усилия многих, и только многие дают ответ на один вопрос.

Алесь Адамович был одним во многих. Он был и Толей Корзуном и Флёрой Гайшуном. Он был в том сарае, потому что понимал: горячая заживо жизнь – это охваченная огнем душа, проходящая через муки Чистилища и восходящая в Рай. Но прежде всего переживающая нечеловеческие страдания. Творческие муки, созидющие то, что со временем будет опалять сердца людей, могут быть не менее значительны. Как у Гумилева, «кричит наш дух, изнемогает плоть, рождая орган для шестого чувства». Как у Алеся Адамовича – «одиннадцатая заповедь»: «не бойся».

«Шестое чувство» Адамовича, его «не-бойся» -- это чувство глубокой ответственности, которое не позволяло расслабиться, переживание людских трагедий и сопереживание человеку, обреченному во тьме искать свое предназначение.

Прометей?

«Ты можешь, Зевс, громадой тяжких туч // Накрыть весь мир...// Мне – чтить тебя? За что? Рассеял ты когда-нибудь печаль// Скорбящего?// Отер ли ты когда-нибудь слезу// В глазах страдальца?» (Гёте. «Прометей», пер.В.Левика). Эта мысль, как и мысль о слезинке невинного ребенка (от Гете – к Достоевскому и от Достоевского – к Гете), беспокоила Адамовича на протяжении всей жизни, особенно, когда он работал над документами о войне, особенно, когда случилась авария на ЧАЭС.

Это в его душе бушующее пламя, святой огонь в его душе, его «святым огнем пылающее сердце», как у гетевского Прометея.

Зимнее холодное солнце заглядывает в комнату сквозь открытую ставню. Его сердце уже остыло. Но оно продолжает жить, жить в том, что он оставил после себя. И прежде всего в его книгах.

Он был одним во многих...

Может быть, Фауст, вечный мятежник, не жалевший жизни, усилий для постижения своего и в своем общечеловеческого бытия, даст ответ на этот вопрос? Но если Александр Михайлович и был Фаустом, то именно таким, не успокаивавшимся и не остановившимся. «Никогда б не пристрастился я к лопате, к покою, к узости понятии...»

Он и будучи в Глуше все куда-то спешил. Сидя в глушанском доме, говорил о поездках в Европу, Америку, Москву. Потом уходил бродить по окрестностям Глуши. Для него это была не только прогулка в лес, к пруду, который выкопали благодаря его усилиям, договоренности в инстанциях. Для него это был уход «в лес», «в партизаны», ведь именно тут, в этих местах прошли те годы, которые и сформировали Адамовича-человека, Адамовича-писателя. Он был глушанским Фаустом или Фаустом-белорусом.

Он все время стремился «за»... Из Глуши в Минск – и обратно. Из Минска – в Москву – и обратно. Чтобы потом как-то сказать, что и в Москве чувствовал себя одиноко. Вечером возвращается домой, на улице народ, молодые, толпы, обсуждают, о чем-то своем говорят, о чужом, чем-то другим озабочены. В такие минуты, признавался, чувствовал себя особенно одиноко.

Из Москвы – в Глушу. Из жизни – в вечность...?

Только из памяти все не выходит тот символический образ: одна половина окна, открытая, пропускает снопы зимнего света, лучится светом, другая, закрытая, оставляет вечную загадку, которая так и остается неразгаданной.

Мефистофель, идущий рядом с Фаустом, Мефистофель-подстрекатель, ибо он и есть Искуситель с большой буквы. Это наш всегдашний спутник,

это наши сомнения, те искушения, без которых невозможно то, настоящее, возвышение, о котором мечтал и Алесь Адамович.

Вот оно откуда, вторая створка ставен. Мефистофель всегда рядом, ибо без него невозможно развитие, эволюция человека, невозможно познание добра, если не преодолевается то, что видится, понимается как зло.

Кто он? В ком столько собралось, столько вобралось?

Он все время стремился «за»... За границу... За черту XX века, за 2000-й год... За Беларусь...

«Сверх-», и эта его ошеломившая «сверхлитература»...

Он стремился «за», потому что всегда был «против»...

Черное и белое. Два паруса на корабле белорусской истории и его народа. И тот, который у Алкея гоним морскими волнами. И который перевозит труп – у Ибсена. И «Дом, где разбиваются сердца» Шоу. Корабль-страна в бурных волнах истории. И два его паруса-сигнала: черный и белый.

Два крыла, черное и белое. Два ангела за спиной настоятеля Джослина («Шпиль» английского писателя XX в. У.Голдинга), они поочередно мучают героя, или ими поочередно мучим герой.

И одна, во всех своих противоречиях, личность...

Может быть, в большей степени его можно было бы назвать Дон Кихотом? Тем вечным искателем справедливости, рыцарем добра, способным быть одиноким и осмелившимся стать на путь избранных? Который уже в крыльях мельницы способен был предвидеть враждебную силу, заменившую человека, ставшую над человеком, чтобы смести человека с дороги, устранить, как несовершенное дитя природы.

Или тем Дон Кихотом, который освободил мальчика, заставив его хозяина развязать своего работника. Какой исторический казус! Они пришли в 80-е, чтобы развязать путы, наброшенные, затянутые в 1917-м. Путы были сброшены. А Дон Кихот уехал, оставив мальчика один-на-один с его хозяином. «Лучше бы вы ехали своей дорогой и не вмешивались», -- только и оставалось сказать мальчику при новой встрече с некогда освободившим его Дон Кихотом.

Что это? Парадоксы истории, когда те, кто позволили нам стать иными, вернули нам человеческое достоинство, ушли, ушли не по своей воле. “Не я нарадзіўся, мяне нарадзілі, не я паміраю, мяне памруць”, -- как сказал белорусский поэт Алесь Рязанов. Они ушли, а мы остались. Вот тут и вопрос к нам самим. Мы остались наедине с самими собой, когда проверяется вековечное: А вы, что вы сделали такое? Так что ж и доброго в вас есть?!..

Но Дон Кихоты нашего времени – Адамович, Сахаров, -- ушли. А мы, многие из нас, львы из клетки, остались. Это нас когда-то освободил Дон Кихот. Но кто-то, приученный жить в клетке, вновь захотел, как в романе Сервантеса, вернуться туда же.

Конечно, все не так однозначно, но все же... все же...

А может, он был еще одним героем, из числа тех, кого можно назвать Одиссеем, вечным паломником, неустанным путешественником. Не многие, думаю, сомневаются в том, что Александр Михайлович любил бывать на новых землях, знакомиться с жизнью других, -- городов и народов, материков и культур. По-видимому, образ Одиссея каким-то наилучшим способом объясняет то, что же происходит с нашей белорусской культурой на протяжении веков. Ефросинья Полоцкая, жившая в XI веке, отправилась в Иерусалим, и умерла там же, на святой земле. Тем не менее заступница земель белорусских была похоронена в Киево-Печерской лавре, а затем перезахоронена в Полоцке. Симеон Полоцкий, один из зачинателей русского силлабического стихосложения и драматургии, наставник царских детей, родился на белорусских землях. Иосиф Гошкевич, первый консул Российского государства в Японии и первый составитель Японско-русского словаря (за столетие до работы Н.И.Конрада) родом с белорусских земель. И Адам Мицкевич родился и жил на территории современной Беларуси. И Владислав Сырокомля, и Элиза Ожешко. Далекое на чужбине умер белорусский поэт, классик Максим Богданович. Белорусские корни у семей Достоевского, Гийома Аполлинера...

Белорусы, титаны-белорусы, они же прирожденные Одиссеи. Ну, куда им хочется, «ад родных ніў, ад роднай хаты»? Куда их все время тянет? Как у Лобановича, героя Якуба Коласа, все какая-то неполнота. То ли Фаустовская. То ли Гессе: степной волк или «дитя богов, которому даровано бессмертие», или Кнехт, магистр игры в бисер, достигший самой высокой возможной вершины и вдруг ощутивший неполноту, незаполненность себя миром, мира собою, незавершенность (или это человек Сартра, который всегда незавершен), не полностью себя реализовавший и стремившийся реализовать себя... В чем еще?

Александр Михайлович из этой же когорты, одиссеев, но – вернувшихся, чтобы стать частицей той земли, которая дала прах земной для земного же бытия.

Он всегда возвращался, потому что его ждала Мать. Она ждала его и тогда, когда он мальчишкой уходил с другими такими же играть, и тогда, когда она сама же благословила их, своих сыновей, в бой. Она ждала и после войны, из института, из Минска, с работы, из дальних зарубежных поездок. А он – он всегда ей писал письма, присылал открытки... Или это она звала его обратно, собирала под крышу большого дома в Глуше, как некогда под крышей дома в Глуше собирала всю свою большую семью.

В мировую литературу Алесь Адамович вводит другой образ “двойной звезды” (образ-символ, так ясно сформулированный белорусским поэтом Максимом Богдановичем). Классический образ “двойной звезды”: поэт и его возлюбленная. Открытый Адамовичем образ – “двойная звезда”: писатель и его мать, художник-созидатель и мать. Может быть, Марсель Пруст уже и воплотил этот мотив возвращающегося домой героя в образах,

выплывающих из далекого детства. У Адамовича своя история. Это история человека, для которого мать так и осталась нетленным образом Вечной матери.

Это она ушла в партизаны и увела туда своих детей. Мать, принеся в дар людям самое дорогое – свое дитя,-- Божья Мать. Мадонна. Или: Сикстинская мадонна, шедшая к людям во имя спасения людей. Он преклонялся перед ней, перед Мадонной, перед Божьей Матерью. Перед своей Матерью, видя во всех женщинах лишь один образ, отблеск одной из них – его Матери.

«Восходит Матери лицо – и замыкается кольцо...» (последние слова уходившего из жизни Владимира Андреевича Бойки, друга Адамовича).

И из Адамовича: “О матерях можно рассказывать бесконечно...”

А он – он был одним во многих – таким он и запомнился нам, его близким.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ